



Исторические аллюзии

Ирина Волкова

ИСТОРИЧЕСКАЯ АЛЛЮЗИЯ РОМАНА АЛЕКСАНДРА ПЯТИГОРСКОГО «ФИЛОСОФИЯ ОДНОГО ПЕРЕУЛКА»

Аннотация. *Статья посвящена конфликту, пронизывающему пространство романа Пятигорского и отражающемуся на образе мыслей и действий его героев. На основе анализа логических связей текста, кратких авторских упоминаний воссоздается картина группового противостояния: состав участников и столкновение позиций.*

Ключевые слова: *конфликт; пространство романа; образ мыслей и действий героев.*

Abstract. *The article is devoted to the conflict, which pierces the space of Pyatigorsky's novel and reflects in the mode of thinking and acting its heroes. On the basis of logical causations in text, short authors references the article restores the picture of the group confrontation: its participants and the clash of positions.*

Keywords: *the conflict; the space of the novel; the mode of thinking and acting of the heroes.*

Первый роман
Александра
Пятигорского

Имя Александра Пятигорского* еще при его жизни, как сегодня говорят, стало брендом. Его произведения заняли почетное место в неофициальной номинации «литература для избранных». Эмигрировавший из СССР в 1973 г., но не порвавший связей с отечественной наукой и культурой, он с начала XXI века периодически радовал российских читателей то публичными лекциями, то новыми книгами и воспоминаниями о своих вели-

* Пятигорский Александр Моисеевич (1929–2009) – философ, писатель. В 1973 г. эмигрировал из СССР. С 2000-х стал вновь публиковаться на родине, снялся в телеочерках «Диалоги с философом». Автор литературных бестселлеров «Философия одного переулка», «Кто боится вольных каменщиков? Феномен масонства».

ких коллегах и собеседниках (среди которых были М. Мамардашвили, Ю. Лотман, Вяч. Иванов, Ю. Рерих, Г. Щедровицкий). Безусловно, не остался незамеченным и выход его первого и значительного романа – «Философия одного переулка».

Бессюжетный, оборванный, с трудно отличимыми друг от друга героями, он, тем не менее, вызвал благожелательные отклики. Рецензенты настаивали на неприменимости к нему обычных оценочных критериев. Ведь специализирующийся на изучении сознания философ и жизнь воспринимал и описывал то как непрекращающийся разговор, то как историю пересечений своего сознания с чужими. А стало быть, и повествование, как раз и сосредоточенное на таких прецедентах, позволяло пренебречь привычными рамками и условностями.

Согласно часто повторяемому тезису автора, работе мышления всегда потребен некто другой, физически и ментально не совпадающий с субъектом этого мышления и ведущий с ним постоянный диалог [1, с. 18]. В таком разворачивающемся диспуте откладываются представления и об окружающей жизни, фиксируемые как факты сознания.

В порядке продолжения этой мысли можно заключить: чем шире беседа и разнообразнее круг вовлеченных в нее лиц, тем большей вариативностью должны отличаться подобные факты. Но здесь, похоже, теория автора дает осечку – то ли сознание его героев устроено однотипно, то ли из авторской рефлексии этот поток суждений выходит отфильтрованным, однако высвечиваемая в романе картина не несет следов диалогичности и тем более многоголосия. Наоборот, она однородна на всем пространстве восприятий, включенных во взаимное общение.

Несмотря на то что вторая половина 1930-х годов, которой посвящена изрядная часть текста, подается через призму высказываний героев, ее интегральный образ получается более чем зримым. Что же уясняет для себя читатель с первых строк? Что необыкновенные дети обыкновенного московского переулка прозябают в нищете и грязи. Даже двор – место их регулярных встреч, которое изменить нельзя, делится на две половины – просто грязную и очень грязную. Несбыточной мечтой гения этих мест – мальчика Ники Ардатовского – является владение санками, хотя он и не завидует сверстникам – обладателям этого сокровища по причине органической чуждости ему данного низкого чувства.

Согласно
Пятигорскому,
работе мышления
всегда потребен
некто другой

Интегральный образ
эпохи получается
зримым

Взрослые разговоры
в романе
стимулируют
детский полет мысли

Тот же отпечаток благородной нищеты и смирения лежит на всей компании юных интеллектуалов.

Но материальная скудость с лихвой возмещается изысканной игрой ума, которую невольно стимулируют взрослые разговоры. Правда, в отличие от последних, пронизанных страхом или растерянностью перед неразборчивым молохом террора (за исключением разве что «выступлений» дедушки Ники – Тимофея Алексеевича), подростковый полет мысли не знает преград. А его тематические дискурсы – о судьбе, силе сознания, диалектике, идее-духе Гегеля, релятивности культуры – под стать пиру во время чумы. Собственно, подхваченные взрослые суждения только в них и обретают концептуальную законченность.

Так, после взбудоражившего переулков исчезновения в одну несчастливую ночь 1937 г. жильцов из дома красных командиров и заявления дедушки Тимофея Алексеевича о том, что все плоды человеческих рук, включая строящееся метро и давно построенную церковь, покоятся на трупах, восприимчивый Ника выдвигает теорию «исчезновения видов»: «Сначала христиане убили колдунов, потом красноармейцы убили христиан, а теперь кто-то убил красноармейцев». А мальчик Гарик Першеронов откликается на эти же сообщения концепцией извечной борьбы злых и добрых колдунов в мировой истории. По его мнению, все правительство и ЦК партии находятся в руках злых колдунов (за исключением одного, Клим Ворошилова). Они же держат в плену и Москву, и страну: «Им даже убивать не надо. Они просто заколдовали место, и там люди сами мучают и терзают друг друга» [1, с. 36].

В смутное время
нужно «замереть»

Отдельного внимания заслуживает вопрос об отношениях с социумом в ту пору, когда над головой витает дух убийства и «страх коллективной смерти» [Там же, с. 127]. У дедушки Тимофея Алексеевича наготове совет всем, кто способен услышать: нужно «замереть», «быть как мертвый» и пропускать через себя смыслы. Тем более что склонность к созерцанию и есть то главное, что отличает «знающего» от «незнающего». Первый наблюдает и воздерживается от социальной активности, второй погружается в нее, принимает правила и гибнет под их непреложным действием [Там же, с. 154]. Для России тактика стороннего наблюдателя вдвойне оправдана: в этой покинутой Богом стране любая практическая деятельность, будь то производство никеля или прогрессивное литературоведение, лишена «личностного бытия», а стало быть, второсортна. Да и рус-

Герои романа
ощущают себя
чужаками в этой
стране

ский язык – это язык рефлексирующих субъектов, а не людей дела [1, с. 60, 74].

Дедушкины откровения подводят теоретический базис под образ существования, который и без того отлично освоен мальчиками из Второго Обыденского. Они чувствуют себя чужаками в этой стране и в этом городе и, будь на то их воля, с удовольствием бы примерили на себя роль граждан мира. Так, мальчик Гарик втайне просчитывает ход предстоящей войны, когда японцы захватят большую часть России, англичане обоснуются на Кавказе, а французы – в южной России с Одессой. Москва также будет занята, а все комсомольцы перестреляны [Там же, с. 45–46]. Этот прогноз не сбывается, путевка в закордонный рай также достается только одному из компании. Но это не оказывает влияния на их взгляды и привычки. Единственный, кто робко пытается прорвать блокаду философского «междусобойчика» – Роберт Сэвианс, позиционирующий себя как «русский в некотором роде» и, вообще, не чуждый определенных карьерных позывов. Вступив в комсомол и стремясь на фронт, он попадает туда 4 мая 1945 г. по окончании артиллерийского училища. А 8 мая погибает. Впрочем, как выясняется позже, похоронка была ошибкой. Вроде бы смерть прошла стороной, но гадкий осадок остался: и в виде безвременного ухода потрясенного отца, и в виде биографического оксюморона с боевым стажем в четыре дня и гибелью «понарошку» на пятый. Этот назидательный пример, кажется, призван предостеречь остальных от повторения ошибки. Да, в общем-то, никто больше и не стремится по доброй воле покинуть узкое пространство свободного разговора.

Они не выпадают из него и после того, как физически покидают это благословенное место. Итак, подобно шоу, которое должно идти несмотря ни на что, разговор продолжается – с частично меняющимся составом участников и новыми адресами. Грязный двор сменяют курилка Ленинской библиотеки, коммунальные кухни и даже отдельные квартиры взрослых и уже не совсем нищих мальчиков. Остается загадка: какая пружина раскручивает этот нескончаемый диалог, если в нем нет столкновения позиций, а суждения действующих лиц лишь дополняют и уточняют друг друга? Ведь не считать же, в самом деле, полемикой с философией дедушки и его собеседников желание одного из них накликать на ублюдочного советского Левиафана бучу в духе неистового Льва?! Или – в ответ на дедушкин безнадежный социальный скепсис – робкое заявление Анатолия (зна-

комца Ардатовских) о том, что большевистская революция разбудила энергию средних слоев, которую в настоящее время душит мутировавший большевистский режим! [1, с. 41, 63].

Герои романа – один коллективный мыслящий субъект, у которого нет открытого оппонента

По сути, герои романа – один коллективный мыслящий субъект, непрерывно продуцирующий тезисы, которые не наталкиваются ни на чьи антитезисы и по логике вещей давно должны были бы иссякнуть. Но в том-то и дело, что в романе есть некто другой, лукаво спрятанный в тексте, но довлеющий над автором и собирательным думающим жильцом переулка. Он-то и держит их в напряжении, разгоняет поток мыслей в расчете на предъявление весомых доводов против онтологически иной философии. Притом это не абстрактный дальний, а совершенно ближний оппонент. Оттого-то прозорливый дедушка опасается, что нежнейший и впечатлительный Ника года через два может стать «своим человеком» для этого неназванного врага. Оттого, потрянув старыми масонскими связями, в 1938 г. он организует его отъезд в свободный западный мир. Чудо-ребенок навсегда покидает убогую обитель в Обыденском и становится тем самым Никой из-за бугра, с которым десятилетия спустя встречается оказавшийся там же выросший мальчик Саша, он же автор романа. Однако это уже совсем другая история.

Скрытым оппонентом героев является школьная коммуна

И все же было бы несправедливо упрекать автора в сокрытии имени антагониста. Оно единожды встречается в романе. Это когда обделенный санками Ника тоскливо смотрит на толпу мальчиков и девочек с санками и лыжами, которые весело съезжают с горки, начинающейся от 1-й опытно-показательной Памяти жертв царского произвола и имени товарища Лепешинского школы. Вот и всё. Название учебного заведения иронично искажено: школа действительно была именной, но носила только имя своего основателя П.Н. Лепешинского, старого большевика и соратника Ленина, разумеется, имевшего опыт царской тюрьмы и ссылки. В вымышленном увековечении жертв царского произвола в названии – намек на идеологическую фальшь советской системы. Та чествовала борцов с царизмом и одновременно обрушивала чудовищные репрессии на собственных реальных и мнимых оппозиционеров.

А школа и в самом деле была удивительная. Осенью 1918 г. П.Н. Лепешинский открыл ее для детей бедноты в своем родном селе Литвиновичи Гомельской губернии. Через год из-за подступающего фронта Гражданской войны она переехала в Москву, где получила

вначале особняк на Большой Никитской улице, а затем во Втором Обыденском (Ильинском) переулке. Так небольшой сельский интернат превратился в Московскую опытно-показательную школу Наркомпроса, сокращенно МОПШ, а ее питомцы провозгласили себя «мопсами», или «мопсоглотчиками».

Школа-коммуна
была Ноевым
ковчегом

В столице контингент неуклонно пополнялся за счет городских подростков. Воистину это был Ноев ковчег, под крышей которого соединились дети из городских приютов, взятые с улиц беспризорники, сыновья и дочери замоскворецких рабочих, советских ответственных работников и... даже отпрыски старых аристократических фамилий. Во всяком случае, в первых наборах числились бывшие князья – братья Оболенские и княжна Шидловская, сын белого генерала Дмитрий Алексеев, сыновья царского тюремного врача Виселицкого и ряд других [2, л. 5]. Ни детям партийной и государственной элиты, ни беспризорникам совместное пребывание в столь разношерстном коллективе нисколько не претило. Наоборот, общий «пролетарский котел», каким виделось это учебное заведение его создателям, должен был содействовать переплавке изначальных различий.

Школа отличалась
непоказным
демократизмом

Непоказной демократизм проявлялся и в больших делах, и в мелочах. Так, предмет почти несбыточных детских вожделений убогих довоенных десятилетий – велосипед – или редкое лакомство – шоколадные конфеты, принесенные детьми из правительственного Дома на набережной или Кремля в школу, подлежали незамедлительному обобществлению. А компании подростков из обеспеченных семей, как-то нацепивших из озорства на шею галстуки, всерьез влетело от товарищей за буржуазное «разложение». В далеких 1920-х эти атрибуты гардероба еще стойко ассоциировались с образом сметенных революцией классов [3, л. 2].

Детский коллектив был абсолютно индифферентен к заслугам именитых родителей соучеников, коль скоро дело касалось серьезных нарушений. Так, руководящий школьный орган – Организационный комитет (Оргком) за один неблагоприятный поступок постановил отчислить Петра Ворошилова – сына всесильного наркома обороны. На следующий день взволнованная Екатерина Давыдовна Ворошилова бросилась к директору М.М. Пистраку, однако тот беспомощно развел руками, ссылаясь на независимость решений школьного актива. И только мольба матери к Оргкому – дать сыну последний шанс искупить свою вину на глазах товарищей и в коллективе – спасла Петра, да и переломила его судьбу.

В основу устройства школы был положен принцип коллективизма

Он вырос вполне порядочным человеком: выбрав, как и отец, профессию военного, он достойно прошел всю войну [4, л. 9–9 об.].

Поставив во главу угла принцип коллективизма, школа каждодневно доказывала его огромную перевозмогающую силу. В первый раз ее дети ощущали, когда по просьбе преподавателей подставляли палец под рояль и «всем миром» поднимали его и удерживали на вытянутых руках [5, л. 7]. Потом, когда коллектив мало-помалу превращался во вторую семью для тех, у кого были родные, и в единственную для тех, кто их не имел: так было с круглыми сиротами Аней Шишковой, Володи Томсеном, Мишей Чернышовым и еще многими-многими другими подранками революции и Гражданской войны. Коллектив главенствовал во всех сферах, будь то самообеспечение необходимыми жизненными ресурсами или организация учебной и воспитательной работы. На собственных плечах школьников лежали ремонт одежды, заготовка дров, изготовление нехитрых предметов мебели, санок или лыж, уборка помещений, приготовление и раздача пищи в столовой: в школе действовали столярная, слесарная, переплетная, швейная мастерские, кухонная, уборочные артели, через которые поочередно проходили все учащиеся.

Главным «законодательным» органом было общее собрание

Главным «законодательным» органом было общее собрание работников школы и учащихся, на котором председательствовал чаще всего ученик. Оно на год избирало Оргком во главе со старшеклассником. Его работа была распределена по секторам, которые также возглавляли сами учащиеся. Негласным правилом школы было проведение через все виды руководящей работы максимального количества детей. В МОПШ не было родительских собраний, выставления отметок и других привычных форм контроля. Вместо этого два раза в год устраивались общие собрания, на которых давались так называемые характеристики: вначале учителя высказывались по поводу учебы, поведения, личностных качеств каждого из своих подопечных, затем свое отношение заявляли представители пионерской или комсомольской организации, школьного самоуправления, а в конце – предоставлялось слово любому желающему из школьного коллектива. Единственным условием выступления была обоснованность высказываемого мнения [6, л. 24, 42]. Абсолютно все выпускники были убеждены: лучшей формы внутришкольной организации и аттестации учеников было невозможно придумать.

Члены школьной коммуны активно участвовали в жизни страны

Автономное существование МОПШ не отрывало ее от окружающей жизни. Напротив, трудно назвать важное событие в довоенной истории советской страны, которое обошло бы стороной «мопсов». Это сбор средств в помощь голодающим в начале 1920-х, агитация в пользу первого государственного займа 1927 г. для нужд индустриализации, участие в ликвидации неграмотности, в колхозном строительстве – обучившиеся управлению тракторами старшекласники ездили на посевную и уборочную кампании в волжские колхозы и совхозы. Отдельные личности, вроде Стаса Ганецкого, стояли у истоков советского альпинизма и участвовали в покорении горных вершин.

Конечно, было еще и участие в изъятии церковных ценностей, и в подавлении Кронштадтского мятежа в самом начале 1920-х, что с точки зрения сегодняшних представлений явно бросает тень на общественно полезную деятельность этих ребят. Однако не будем забывать, что любая революция обречена сражаться и после того, как она свершилась, а принявшие ее всем сердцем молодые энтузиасты нового строя готовы были идти на смертный бой с ее врагами. Было и многое другое – активность в рейдах «легкой кавалерии», как тогда называли комсомольские патрули по городским управленческим структурам и учреждениям сферы обслуживания, к которым имелись нарекания жителей. Были систематическая помощь продуктовым магазинам своего района в сортировке и расфасовке овощей, расчистка улиц от снега, проведение концертов и спектаклей для горожан [7, л. 6, 48]. Будучи боевыми ребятами, «мопсы» первыми никогда не лезли в драку, хотя порой и схлестывались с окрестной шпаной, которой мозолили глаза. У жителей района, среди которых в то время преобладали рабочие и мелкие служащие, они пользовались заслуженным уважением и слыли своими.

Учеба сочеталась с трудом на производстве

Этой репутации в немалой степени способствовало плотное сочетание учебы с трудом на производстве, положенное в основу образования. Регулярная работа – по одному-двум дням в неделю на Бутиковской текстильной или кондитерской фабрике «Красный Октябрь», либо на электромеханическом заводе, экскурсионные посещения индустриальных новостроек помогали не только хорошо узнать промышленную организацию и рабочий труд, но и приучали дышать и жить в одном ритме со страной и ее обычными тружениками. Не случайно любимейшим жанром мопшинской самодеятельности была «живая газета», откликавшаяся на

все злободневные темы. Авторы и участники, одетые в синие блузы, исполняли со сцены куплеты, автором которых чаще всего был школьный поэт Яша Полонский. В них они давали себе более чем точную характеристику:

Перед вами мы, безбожники,
Веселая братва,
Живем мы на Остоженке,
Ильинский, номер два.
У нас полна вопросами
И мыслями башка.
Мы – племя Наркомпросово,
Мы племя Пистрака.
Мы – мопсоглотчики,
Мы все молодчики,
Себя готовим для борьбы.
Коммуны дети
Готовы встретить
Любой удар любой судьбы! [6, л. 49].

Школа давала
всестороннее
образование

Резонно задать вопрос: а как обстояло дело с образованием в этом советском лицее, не приносилось ли в жертву эксперименту по воспитанию строителя коммунизма получение знаний? Но и на учебном фронте МОПШ могла дать фору любой другой школе. Блестящее преподавание обеспечивало созвездие выдающихся педагогов, среди которых были авторы учебников – математик Е.С. Березанская, физик А.В. Пёрышкин и другие замечательные специалисты: словесник О.С. Лейтнекер, учитель истории и обществоведения А.И. Стражев, учитель изобразительного искусства художник Я.А. Башилов. Завучем работал Р.М. Михельсон – будущий член-корреспондент Академии педагогических наук и замминистра просвещения Латвии. Благодаря им школа благополучно пережила все шараханья советского просвещения – от комплексного метода обучения к лабораторно-бригадному и от него уже – к классической урочной системе.

По средам школа принимала гостей: со всех концов страны съезжались учителя на мастер-классы своих коллег. При этом, какими бы ни были насаждаемые сверху установки по организации учебного процесса, школа неизменно следовала правилу – всемерно развивать навыки самостоятельной работы учащихся. Изучение больших тем всегда оканчивалось выставкой творческих работ и тематическим вечером с докладами, инсценировками и номерами художественной самодеятельности.

Школа развивала навыки самостоятельного получения знаний

Так, например, к тематическому вечеру, посвященному морю, актовый зал стараниями школьных художников был превращен в подобие морского дна, со сцены звучали географические доклады, стихи и песни о море. Вероятно, потому среди выпускников школы было много людей творческих профессий, в том числе известных писателей (А. Шаров^{*}, А. Бек^{**}, А. Рыбаков^{***}).

Окончание школьного курса завершалось так называемой фурацией. Этим забытым на сегодняшний день словом обозначалась защита квалификационной самостоятельной работы, а по сути – дипломного проекта. Так, доктор химических наук М.И. Розенгарт вспоминал, как в последнем классе он несколько месяцев работал лаборантом в научно-исследовательском институте органических полупродуктов и красителей. Там, на опытной базе и с помощью специальной литературы, он подготовил выпускную работу «Получение анилиновых красителей», которую успешно защитил на педагогическом совете школы в присутствии других учащихся. Точно так же завершалось обучение и других выпускников – с той лишь разницей, что каждый защищал свой проект по своей избранной специальности. Много лет спустя, пытаясь суммарно оценить роль МОПШ в своей жизни, Розенгарт писал, что она «привила интерес к разным наукам, научила... самостоятельно заниматься и заронила вкус к общественной жизни. После МОПШ никто не мог оставаться в стороне от общественной жизни» [8, л. 16–17].

МОПШ вырастила для страны людей с активной гражданской позицией

«Боевым поколением», «червонным золотом» называл своих учеников А.И. Стражев [6, л. 27]. За период своего существования, с 1918 по 1941 г., МОПШ вырастила для страны будущих ученых, инженеров, военных профессионалов, артистов, режиссеров, художников, врачей, учителей, мыслящих широко и неординарно. А самое главное, сформировала людей с активной гражданской позицией. Именно она не позволила ни одному «мопсу», имевшему бронь от призыва в армию, отсиживаться в тылу, когда страна билась с врагом. Одним из

* Александр Шаров (Шер Израилевич Нюренберг) (1909–1984) – автор научно-фантастических повестей, рассказов для детей.

** Александр Бек (1902–1972) – известный советский писатель, автор повести «Волоколамское шоссе» и романа «Новое назначение».

*** Анатолий Рыбаков (1911–1998) – известнейший детский писатель, автор любимых многими поколениями подростков повестей «Кортик», «Бронзовая птица», а также романов «Тяжелый песок», «Дети Арбата».

первых погиб Яша Полонский, сочинивший пророческие стихотворные строки о готовности «детей коммуны» встретить «любой удар любой судьбы».

Однако и вне войны биографии выпускников МОПШ складывались непросто, порой драматично. Некоторые разделили участь своих репрессированных родителей, а некоторые, как будущий писатель Анатолий Рыбаков, были осуждены по 58-й статье, а попросту расплатились за то, что через последующую жизнь пронесли привитые школой принципы порядочности, справедливости и веру в великий освобождающий потенциал Октября. Не случайно на одном из последних сборов выпускников в 1986 г. А. Рыбаков так определял общие характерные черты своих товарищей: «Это – дети революции, которые презирали карьеристов, не боялись говорить, что думали, делали то, что считали нужным и правильным» [4, л. 27 об.]. Повидавшие разные метаморфозы советского строя и дожившие почти до его конца либо даже пережившие его, выпускники были уверены на все сто: их сгинувшие в сталинских лагерях или уничтоженные войной однокашники, независимо от внешних обстоятельств жизни, до конца оставались советскими людьми, не предавшими идеалы юности.

Символ веры героев романа заточен против священных понятий для «мопсов»

Похоже, именно это «родовое» качество и являлось коренной причиной их яростного отвержения маленькой колонией своеобразных «мыслителей» Обыденского перелука. Осмысленно или нет, но ее символ веры заточен против священных понятий для «мопсов». Так, теория «исчезновения видов» Ники Ардатовского вырастает на полнейшем отрицании популярной среди «мопсов» идеи Лепешинского о преемственности и воспроизводстве людей новой формации в школьном пространстве: «Ленин породил Лепешинского, Лепешинский – Пистрака, а Пистрак порождает себе подобных, и общее дело продолжается» [Там же, л. 140]. Рассуждения дедушки Тимофея Алексеевича о «божественной персонологии», «индивидуальном бытии» как знаках избранности выступают противовесом торжествующему коллективизму школы. А постулат «духовной бесплотности» социально активных повернут против кипучей общественной деятельности соседей. Одновременно он служит оправданию юных вольнодумцев в собственных глазах за позицию социальных аутсайдеров и подкрепляет их чувство глубокого удовлетворения по поводу того, что возраст позволил им благополучно избежать репрессий и попадания на войну. (Позже взрослый Ника Ардатовский скажет о

своих товарищах: «Они были слишком молоды, чтобы быть убитыми в тридцатые, и чуть моложе призывного возраста 41–42-го» [1, с. 107].)

Истоки неприязни автора и его героев к «мопсам» прозрачны

Истоки этой неприязни к «мопсам» вполне прозрачны: в их лице большевистская утопия обретала плоть и кровь, предъявляя своим оппонентам кристально-чистый продукт идейного советского воспитания. Их неоспоримые достоинства – широкий интеллектуальный горизонт, альтруизм, готовность к самоотверженному труду на благо страны – опрокидывают классификационные схемы, которые в романе прилагаются к тем, кто вступил в тесное сотрудничество с режимом. Даже при большом желании их невозможно подвести под категории «деляг нереализованной социальной утопии», «ублюдков Левиафана», «импотентных карьеристов» и «безработных профессиональных распутников», каковых автор и симпатичные ему персонажи усматривают рядом с собой в обычной жизни. Именно это обстоятельство вкупе с реальными свершениями выпускников школы – солдат на войне и мастеров своего дела в мирное время – становится сильнейшим и нестерпимым источником напряжения для автора. Ведь на этом фоне жизненные траектории гениальных мальчиков из переулка его детства не просто меркнут, но и служат доказательством от противного. Как он сам несколько конфузливо и ломанно признается в отснятых незадолго до его смерти телевизионных очерках – «Диалоги с философом», ни с одним из них «не случилось никакого определения, применения, развития, а случились... полные обрыв и гибель... Это вопрос судьбы». Однако, будто испугавшись того, что выдал некое потаенное переживание, добавляет: «Правда, они не создали поле ложной активности, которое губит всё». Как видно, автор не пожелал поступиться принципами даже тогда, когда уже невозможно скрыть очевидную истину: «философия одного переулка» создала не столько остров свободы, пусть и виртуальный, «в дикой стране и в дикое время», сколько жуткий Абсолом. Как водится, роль тюремщиков в нем выполняют сами же насельники, зажатые в прокрустово ложе незыблемых правил: «пребывай бездеятельным в действии и деятельным в созерцании»; «чтобы сохранять способность к думанью, нужно силой отворачиваться от жизни» или попасть «в промежуточную ситуацию», в которой «все прошлое уходит в смысл» и «проваливается важность происходящего и неотвратимость будущего» [Там же, с. 91, 97, 131].

Воспитанная на принципах «переулочной» философии личность превращалась в бесплодную смоковницу

Главный герой романа признает: «мы – жалкие чемпионы растраты мысли»

Пятигорский пытается заманить и удержать в развитии действия знаковые фигуры

Взращенная на этих основах личность превращается в бесплодную смоковницу. Даже везунчик Ника Ардатовский в своем прекрасном зарубежном далёко – не может сказать о себе, что жизнь удалась. Тот, кто, по признанию друзей, мог бы стать выдающимся физиком-теоретиком, если бы «не испарился», стал продавцом геологического оборудования, а может быть, и еще чего-то. Впрочем, к своему среднему возрасту он успевает нажать столько денег, чтобы вообще больше не думать о них, насладиться любовью женщин и почитанием друзей, да вот беда: ощущение полноты жизни ему чуждо, да и не нужно. Похоже, московско-обыденская закваска оказалась сильнее рационального и гедонистического западного мышления.

Впрочем, быть может, компенсацией за эту витальную недостаточность служит любомудрие, в растопку которого были брошены и профессиональная самореализация, и обыкновенное человеческое счастье? Однако и на этом направлении, похоже, случается полный облом, если не у автора романа, то у собеседников его далекого детства. Как исповедально сообщает о себе и своих былых товарищах взрослый Ника Ардатовский: «мы – жалкие чемпионы растраты мысли» [1, с. 167]. Иными словами, любимые занятия – думанье и перемалывание его результатов в разговоре – выливаются в пустозвонство. Правда, автор пытается одолеть это неприятное впечатление с помощью хитроумных уловок. Иногда – это ученая тарабарщина, в которую вундеркинды облачают банальные мысли. Приводя в умиление родню (а заодно застя глаза читателю!), она надевает говорящего печатью выделенности в грубом совдеповском окружении. Скажем, мальчик Саша не соглашается с утверждением отца о важности культуры во всех сферах деятельности. Однако вместо простого выражения о том, что не во всякого коня идет этот корм, он напыщенно произносит: «культура релятивна лежащим вне ее духовным целям ее носителей и одновременно их интенциональным состояниям» [Там же, с. 62].

Помимо цитатничества на уровне краткой философской энциклопедии, в текст часто врываются и узнаваемые концептуальные положения. Впрочем, Пятигорский не только объявляет их автора, но и пытается его «заманить» и удержать в развитии действия. Громкое имя «властителя дум», его парадоксальные и колоритные суждения, вплетенные в ткань вымышленного разговора с героями романа, скрадывают нищету переулочной философии и ставят ее прозелитов почти vro-

вень с мэтрами. На такой эффект рассчитаны отсылки к В.В. Розанову и Г.П. Щедровицкому, в которых делается прозрачный намек на то, что ссылающийся персонаж (за которым скрывается реальный прототип) был принят и признан ими своим человеком. Даже сбежавший из СССР мальчик Ника практически с фиолетового экспресса попадает на интеллектуальное пиршество: ему открывает глубины своего учения сам Г.И. Гурджиев. А чудо-ребенок, сразу ухватывая самую суть, начинает воплощать в своей жизни теорию эволюции от бессознательной субъективности к сознательной субъективности, и уже от нее – к объективности сознания. И снова читатель должен подивиться исключительному развитию, обретенному в уникальном московском закутке!

Питомцы «переулочного университета» не испытывают к нему благодарности

Но вот незадача – автор, кажется, не замечает возникшей неувязки: питомцы этого «переулочного университета» не испытывают к нему благодарности и даже не хранят память о нем. В этом они в корне отличаются от своих идейных противников из того же переулка. Для «мопсов» школьный двор навсегда остался сакральной точкой, малой родиной, куда они приходили зарядиться энергией и принять нужное решение. «Для меня МОПШ – образ церковный. В минуту трудную я прихожу сюда во двор школы и думаю», – признавался вахтанговец Евгений Симонов [4, л. 36 об.]. Для выросших гениальных мальчиков переулок детства – это предмет редкой регрессии к той «конфигурации событий, личностей и домов», которая была в их «сезон» [1, с. 91]. Но «сезон» давно прошел, а вместе с ним исчезла и притягательность места. Несмотря на то что взрослый Ника Ардатовский с конца 1940-х собирал информацию о людях, которые когда-то жили с ним по соседству, он и не помышлял о том, чтобы снова перенестись туда же, пусть даже на краткий миг. Быть может, разгадка этой отстраненности содержится в высказывании взрослого мальчика Гени о том, что сюда не вернуться, значит – к себе не вернуться [Там же, с. 89]. Похоже, к зрелым годам в них прорезается понимание того, что в этом стартовом пункте произошло непоправимое отклонение от курса, которое уже не изменить никакими усилиями.

В основе конфликта, поломавшего судьбы героев, лежало неприятие чужой неординарности

Так о чем же роман Пятигорского? О том, как жили-были в одном заурядном московском переулке умненькие мальчики, которых сильно тяготила варварская страна, в которой они родились, и серая обывательская масса, ее населяющая. Возможно, что с течением времени эта обида на судьбу могла бы остыть, если бы рядом не случилось поселиться школьной ком-

муне. Она основывалась на принципах, которые были ненавистны нашим героям. Мало того, эти принципы доказывали свою работоспособность. А ребятня из коммуны с энтузиазмом осваивала науки и развивала свои таланты под чутким руководством отменных педагогов. Иными словами, подтверждала право на собственную незаурядность, каковую наши мальчики признавали только за собой. От этой рвущей душу реальности в соревновательном запале решили они уйти в метафизические скиты. Там, за спасительной стеной из философских экзерсисов, думалось спокойно переждать «промежуточное время», оттачивая до блеска созерцательность и индивидуальность, которые, как знать, могут найти своих ценителей в будущем. План, правда, удался только наполовину: из мутного времени они вышли невредимыми, однако не взяв ни одной из намеченных высот.

Автору явно тяжело
адвокатствовать
за своих

И снова в который раз разминулись они с конкурентами: последние прошли через все испытания, которыми только были тороваты 1930-е и 1940-е годы. Те, чья жизнь была прервана на взлете, оставили нежный и светлый след в памяти выживших. А выжившие стали создателями новых смыслов, технологий, артефактов – словом, громадного и разностороннего наследия, которое они оставили в дар идущим на смену. Перед лицом этого исторического факта автору нереально тяжело адвокатствовать в пользу *своих*. Да ведь предупреждал же как-то плут и кудесник дедушка, что не выйдет из этих «ни Льва Оборина, ни Эмиля Гилельса, ни Леваневского, ни даже следователя Егошина» и что «мир этих мальчиков будет... жалок!» [1, с. 61]. Однако этот факт трудно входит в сознание автора. Оттого-то раз за разом в разные годы он все раскладывает пасьянс из обрывков нестандартных мыслей, ментальностей и разговоров маленького дружеского сообщества в переулке его детства, а коль так, то червь сомнения его гложет.

И, стало быть, в итоге автор рассказывает читателю явно больше, чем хотел.

-
1. *Пятигорский А.* Философская проза: в 2 т. Т. 1. Философия одного переуллка. – М., 2011.
 2. *Исаева Д.П.* Воспоминания о МОПШ // Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 203 (коллекция документов Московской опытно-показательной школы Наркомпроса (МОПШ). Ед. хр. 31.

3. *Збарский И.Б.* Воспоминания // ЦГАМ. Ф. 203. Ед. хр. 29.

4. *Квиринг В.Э.* Тайная вечеря, или Невероятная встреча школьных друзей // ЦГАМ. Ф. 203. Ед. хр. 33.

5. *Шишкова А.А.* Воспоминания // ЦГАМ. Ф. 203. Ед. хр. 50.

6. *Бобкова А.Ф.* Школа наша родная // ЦГАМ. Ф. 203. Ед. хр. 21.

7. *Терский Р.С.* И один в поле воин // ЦГАМ. Ф. 203. Ед. хр. 48.

8. *Розенгарт М.И.* Воспоминания // ЦГАМ. Ф. 203. Ед. хр. 42.

